

Научная статья
УДК 17.021:37.032
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.26>

Социальные риски современности и модель устойчивых отношений в семье и образовательной среде

Марет Мусламовна Бетильмерзаева^{1,2}

¹Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия,
maret_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7153>

²Чеченский государственный университет, Грозный, Россия

Аннотация. Рассмотрено содержание понятий «проблема», «риск», «социальные вызовы», «социальные проблемы», «социальные риски», «модель устойчивых отношений». Предложен анализ социальных рисков постсоциального общества. Определена модель устойчивых отношений в семье и образовательной среде в современных условиях социальных рисков. В процессе исследования использовались общелогические методы анализа и синтеза рассматриваемой литературы, гипотетико-дедуктивный метод, позволяющий обосновать авторскую гипотезу, экспликация как метод объяснения логической соотнесенности социальных фактов и их смыслов. Работа над статьей была организована в рамках системного подхода, постановки и уточнения исследовательских задач, которые должны помочь достижению вышеуказанной цели, формулировке гипотезы, поиску авторов, исследующих близкую проблематику. Структурирование модели устойчивых отношений в семье и образовательной среде возможно лишь при условии воспитания гармонично развитой личности, чей потенциал раскрывается в акте самопознания и самосознания себя как особого рода живого существа, в чьем существовании должно торжествовать знание меры в соотношении интенций разума, духа и тела.

Ключевые слова: проблема, риск, социальные проблемы, социальные риски, модели социальных отношений, модель устойчивых отношений, гармонично развитая личность

Для цитирования: Бетильмерзаева М.М. Социальные риски современности и модель устойчивых отношений в семье и образовательной среде // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 159–166. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.26>.

Original article

Social risks of modernity and a model of sustainable relations in the family and educational environment

Maret M. Betilmerzaeva^{1,2}

¹Chechen state pedagogical university, Grozny, Russia,
maret_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7153>

²Kadrov Chechen state university, Grozny, Russia

Abstract. The content of the concepts “problem”, “risk”, “social challenges”, “social problems”, “social risks”, “model of sustainable relations” is considered. An analysis of the social risks of a post-social society is proposed. The model of sustainable relations in the family and educational environment in the current conditions of social risks is defined. In the process of research, general logical methods of analysis and synthesis of the literature under consideration, a hypothetical-deductive method were used to substantiate the author’s hypothesis, explication was used as a method of explaining the logical correlation of social facts and their meanings. The work on the article was organized within the framework of a systematic approach, setting and clarifying research tasks that should help achieve the above goal, formulating a hypothesis, and searching for authors who study related issues. Structuring a model of sustainable relationships in the family and educational environment is possible only if a harmoniously developed personality is brought up, whose potential is revealed in the act of self-knowledge and self-awareness of oneself as a special kind of living being, in whose existence knowledge of the measure in the ratio of the intentions of the mind, spirit and body should triumph.

Keywords: problem, risk, social problems, social risks, models of social relations, model of sustainable relations, harmoniously developed personality

For citation: Betilmerzaeva, M.M. (2022) Social risks of modernity and a model of sustainable relations in the family and educational environment. *Society: Philosophy, History, Culture.* (3), 159–166. Available from: doi:10.24158/fik.2022.3.26 (In Russian).

Достижением современной цивилизации, чей известный исторический путь исчисляется несколькими тысячелетиями, является практика религиозного, философского, научного подходов оценки человека как субъекта бытия, чей разум осмысливает собственный субъективный мир и объективную реальность. В нашем дискурсе под цивилизацией понимается стадия прогрессивного развития общества, которая в европейской истории начинается с рождения философии – рациональной формы познания человеком себя и своего места в мире, вследствие чего в сознании древнего человека мир раскололся на «Я» и «не-Я». В истории востока – Древний Китай, Древняя Индия – это формат религиозно-философского синкретизма как условие сохранения целостности человеческого бытия. Если человек западной культуры искал себя в объективной реальности, то человек восточной культуры всматривался в себя. Если западная цивилизация в своем развитии была движима попыткой рационализации своего восприятия окружающей действительности, то восточная акцентировала внимание на духовных практиках, вслушиваясь в глубины своих переживаний. Вместе с тем, на стыке двух цивилизационных подходов рождается новая история осознания человеком себя в рамках ислама, в интерпретации которого равное внимание уделяется и разуму, и духу, и телу человека, в жертву не приносится ни одна из ипостасей *человеческого бытия*.

Философия заложила начало интерпретации бытия в формате, характерном для европейского сознания. В своих истоках философия заявила себя в первую очередь как любовь к мудрости, под которой древними греками подразумевалось стремление к истине. В процессе становления и развития философии как новой формы отражения человеком реальности сформулирован целый ряд проблем, направленных на осмысление бытия. И первая проблема обусловлена природой бытия, вторая – возможностью ее познания. От классической постановки онтологической и гносеологической сторон вопроса о соотношении бытия и мышления никак не уйти, ибо бытие как сущее обнаруживается только в познании. Парменидовское «бытие есть, а небытия нет, мыслимое существует, а немислимое не существует» интерпретируемо как бытие есть то, что дано нам в мышлении, в познании, а то, что не дано нам в мышлении, того и нет. В процессе познания человек расширяет зону бытийного. Сознание – уникальное человеческое свойство. В понимании феномена «сознание» сложилось много подходов, но в целом логику оценки феноменальности сознания можно рассмотреть с двух точек зрения. С одной стороны, сознание как теоретический конструкт отображает универсальную силу, которая участвует в создании бытийных структур, а с другой, сознание есть эмпирический феномен, продуцируемый человеческим сообществом в процессе взаимодействия, позволяющий наиболее оптимально приспособиться к специфическим условиям окружающей среды.

Мы наблюдаем развитие европейской и российской цивилизаций последних столетий, судьбы которых, при всех их различиях, переплелись в активном взаимодействии теории и практики, модернизирующих общественные отношения и меняющих привычную картину мира. С одной стороны, прослеживается технологический прогресс, с другой, духовный регресс. И дело здесь не в том, что человек, обогащаясь материально, нищает духовно – здесь нет такой закономерности. Духовность как наследие прошлого вписана в культурные артефакты – в различные тексты, но приобретает статус музейного экспоната, на который смотрят, восторгаются, обсуждают, но «который нельзя (опасно) трогать руками». Духовность чаще калькулируется в материальном эквиваленте.

Проблемы современного европейского общества являются следствием катаклизмов, происходивших на протяжении всего прошлого века. Наибольшее значение имели две мировые войны, оставившие неизгладимые следы на судьбах всех их современников. В ситуации кризиса традиционных ценностей – разума, морали – утвердились идеи общества потребления, постиндустриального, или информационного общества, чьи идеи в интеллектуальных дискурсах определились как постмодернистские. Сами черты постмодерна – отрицание классической логики и теории знака; герменевтизация мира и культуры, восприятие мира как глобального текста; отсутствие строгой систематически изложенной концепции; поиск нового в методологии познания социальной реальности, в основном, в герменевтике или психоанализе; построение новой концепции субъекта, согласно которой он лишается своей субстанциальной сущности и предстает как совокупность разного рода детерминант, в первую очередь, биологических и социальных; «симулятизация» реальности: понимание социума как совокупности знаков, не имеющих связи с действительностью (Бронзино, 2010: 99). Символизация социальной реальности абсолютизирует театр, трансформируя общество в маскарад и карнавал (Бронзино, 2010: 99), которые становятся единственной реальностью. Игра перестает быть игрой, она становится единственной реальностью. «Мы видим симулякр. Реальность этого симулякра маскирует отсутствие не некоей подлинной реальности (вспомним мир идей Платона), но какой-либо реальности вообще» (Лебедев,

2005: 33). В данной интерпретации речь идет не о том, что мы имеем дело с иллюзией, представлением о реальности, отражением подлинной реальности. Дело в том, что другой реальности-то и нет. Есть только тот мир, который мы себе означили. Объективно нельзя отрицать существование подлинной реальности относительно той, которая существует в нашем представлении. Но как только мы начинаем активно взаимодействовать с симуляцией воображения, она материализуется, смещая подлинную реальность, и становится единственной реальностью в своем роде.

В изменяющемся мире усугубились старые проблемы: геополитические, экологические, технологические, экономические, социальные. Мы живем в условиях тотальных перемен во всех сферах человеческого бытия. Наблюдаемые перемены вносят в нашу жизнь много суеты. Метаморфозы повседневности ставят под угрозу существование в целом известной нам цивилизации с традиционными формами социальных институтов, такими, например, как семья и образование. Не нужно демонизировать наблюдаемые изменения институтов семьи и детско-родительских отношений, образования и учительско-ученических отношений, но требуется объективная оценка той ситуации, в которую мы сами себя загоняем под флагом модернизации и внедрения цифровой культуры. Театр перестал быть метафорой, его границы расширились, и сегодня символичность театра охватывает все социальные сферы – политику, образование, семью.

Семья и образовательная среда как наиболее важные социальные институты социализации подрастающего поколения являются ключевыми акторами социального взаимодействия. Компьютеризация, информатизация, технологизация усугубили процесс социального взаимодействия, когда люди чаще коммуницируют друг с другом посредством гаджетов, чем при непосредственном живом общении. Новая реальность формируется не независимо от нас, она – продукт человеческой деятельности. В перенасыщенности информационных потоков грезится ощущение полноты жизни. «Броуновское» движение пространственных смещений – не более, чем симуляция бытийной активности. «Завтра» незаметно становится «сегодня», которое плавно переходит во «вчера». Клиповое сознание, приписываемое подрастающему поколению, фрагментирует в целом общественное сознание, когда мы, читая книгу, ловим себя на мысли «подвигать» страницей вместо того, чтобы ее перелистнуть.

Ситуация в целом неоднозначная. В этой неоднозначности, тотально навязываемой цифровой реальности, цифровой школы, цифрового университета, от которых, кажется, никуда не деться, актуализировался традиционный вопрос о том, что такое человек, как сохранить в человеке человеческое (Бетильмерзаева (1), 2021), какой может быть модель устойчивых отношений в семье и образовательной среде в новых условиях социальных рисков.

В свою очередь, цель нашего исследования в выяснении характера социальных рисков в условиях постсоциальности и в предложении модели устойчивых отношений современной семьи и образовательной среды. Основной тезис автора заключается в том, что перед угрозой человеческому в человеке и, соответственно, на пороге конвертации Человека разумного / Homo sapiens в Суперчеловека / Homo Sapientissimus (по В.В. Миронову) сохранение целостности человеческого бытия возможно лишь в границах воспитания гармонично развитой личности.

Работа над статьей проведена в рамках анализа исследований российских ученых в области духовно-нравственного воспитания современной молодежи и развития личностного потенциала; проблем семьи и образования; коммуникации и социальности; социальных рисков.

Результаты исследования и их обсуждение. Эксплицируя смыслы понятий «проблема», «риск», «социальные проблемы», «социальные риски», «социальные вызовы», «модель устойчивых отношений», «гармонично развитая личность», мы получили следующие ассоциации, которые позволяют увидеть их потенциал. Слово «проблема» – с греческого «преграда, трудность, задача» – в электронном варианте «Новейшей философской энциклопедии» определяется в широком и узком смыслах. В широком смысле это – сложный теоретический или практический вопрос, требующий разрешения, в узком смысле – ситуация, характеризующаяся недостаточностью средств для достижения некоторой цели. То есть, проблема – это затруднение, возникающее на пути познания как гносеологического или социального акта достижения некоторой цели. Соответственно, мы можем говорить о наличии гносеологических и социальных проблем. Проблемы у человечества были во все времена. Но, как утверждают исследователи, «осознание существования социальных проблем» как общая тенденция соучаствовать в решении чужих проблем возникает в опыте Западной Европы на основе комплекса четырех идей: известной еще с древности идеи равенства, новой идеи природного человеческого совершенства, идеи о том, что социальные условия можно изменить, и гуманизма (Ясавеев, 2006: 101). В нашем дискурсе актуально словосочетание «социальная проблема», которое «появилось в западноевропейском обществе в начале XIX века и первоначально использовалось для обозначения одной конкретной проблемы – неравномерного распределения богатства» (Ясавеев, 2006: 102; Schwartz, 1997). Последующее обнаружение проблем, характеризуемых как социальные, с

нашей точки зрения, позволяет говорить о том, что социальная проблема есть конструкт, который определяет проблемную ситуацию, вышедшую за рамки частного затруднения и которая не может быть решена субъективной волей.

Слово «риск», согласно М. Фасмеру, автору «Этимологического словаря русского языка», происходит от греческого «утес», «подножие горы» и, далее, глагол «рисковать» во французском и итальянском языках имел смысл «ламинировать между скал». Из этимологии слова следует, что риск есть вероятность опасного события (Лебедев, 2005: 169). Если вероятность сама по себе не имеет качественной характеристики, то риск уже приобретает некоторое свойство опасности. Множество рисков, которым подвергается человек, М.В. Лебедев группирует как социальные и индивидуальные (Лебедев, 2005). При всей определенности содержания социальных и индивидуальных рисков понятно, что строгое их разграничение неуместно, так как социальные риски могут стать причиной индивидуальных переживаний, и, в свою очередь, индивидуальные риски могут причинно обусловить социальные трансформации.

Продуктивность исследования социальных рисков современности и моделирование устойчивых отношений в семье и образовательной среде требует системного подхода к предмету обсуждения. При системном подходе возникает необходимость анализа ключевых понятий нашего дискурса в логике их смысловой иерархии. Возвращаясь назад, уточним, что словосочетание «социальный риск» как некая вероятность опасного события, но всего лишь вероятность, провоцируется определенным социальным вызовом. Что представляет собой вызов в контексте нашего дискурса? Вызов – это проблемная ситуация, порождаемая сменой технологического уклада, которая влечет за собой модернизацию всех сфер бытия. Как отмечает С.В. Калашников, «линейная последовательная причинно-следственная связь в определенной степени разрушается», прослеживается «одновременное возникновение самых разных явлений в самых разных сферах» (Калашников, 2019). Например, ярким примером революционных перемен в парадигме нового технологического уклада служит отсутствие категории труда в классической трактовке. Меняется качество труда, когда «от обработки материала мы переходим к обработке информации» (Калашников, 2019). Как следствие, изменяются человек и общество. В основу социальной стратификации кладется владение знаниями ресурсами. Сегодня актуализируется девиз Нового времени: знание – сила. Еще какая сила! Но не всякое знание. Оцифровка культурных фактов, развитие социальных сетей перемещают человека в виртуальный мир. Доступность информации, социальная активность в сетях создают иллюзию жизни. Впрочем, для определенной части виртуальный мир стал первой реальностью. Смещение акцентов, нарушение золотого правила «знай меру!» провоцируют новые социальные риски.

С социальными рисками мы встречаемся во всех сферах человеческого бытия. Можно говорить о рисках в духовной, культурной, экономической, информационной, правовой, политической, психологической, образовательной, семейной сферах. Дискурс о риске не может обойти понятие «безопасность». Предвидя риски, мы должны еще обеспечивать безопасность участникам социального взаимодействия. Соответственно, каждому риску в качестве профилактических мер должны противостоять логически выверенные формы безопасности.

Рассматриваемые понятия – вызовы, риски, проблемы – в социальном контексте дифференцируются смыслами, которые позволяют различать их содержание. Сам по себе вызов – далеко не проблема. Социальный вызов – это точка бифуркации, точка роста, возможной смены установившегося формата. В случае готовности субъекта к успешному преодолению противоречий и адаптации к новым объективным вызовам времени вызовы нивелируются и успешно преобразуют свою энергию в созидательное русло. Вызовы не всегда и не всеми читаются. Вызов зреет в процессе изменений, переживаемых социумом. В эпоху революционных технологических открытий мы оказались перед вызовами собственного изобретения – искусственного интеллекта, который провоцирует современные риски.

Обратимся к анализу понятия «модели социальных отношений». Об отношениях можно говорить с различных точек зрения: философской, психологической, социальной, культурологической. Первая психологическая концепция отношений личности была разработана известными отечественными учеными А.Ф. Лазурским и В.Н. Мясищевым. Согласно В.Н. Мясищеву, отношение возникает там, где есть субъект и объект отношений (Мясищев, 2003). Известный исследователь человеческих способностей и отношений выделял психологический характер различных видов отношений, которые тесно связаны с характером жизненного взаимодействия: потребностями, эмоциональной стороной отношений (любовь и вражда), интересом, оценочными отношениями, требовательностью, этическими отношениями, отношениями руководства и исполнения или подчинения.

Человек как существо социальное находится в перманентном состоянии отношений с кем-либо. В социальных отношениях присутствует Другой – зримо или незримо.

Как пишет известный американский антрополог Алан Фиске, отношения – это модели координации поведения людей между собой, но не их свойства¹, подразумевая вариативность отношений, возникающих в общественных коммуникациях. Например, одним я прихожусь матерью, и, соответственно, отношусь к ним как мать, для других я – сестра и следую сестринским отношениям, для третьих – преподаватель и т. д. В каждой из позиций – мать, сестра, преподаватель – мной выполняется определенная роль относительно конкретной группы лиц и эти ролевые отношения никак не могут совпадать. Большим заблуждением является попытка заменить соответствующие конкретной диспозиции отношения другими, которые кажутся более привлекательными. Подменяя свою ролевую позицию, мы, как следствие, ожидаем соответствующие отношения, но другой не готов к взаимодействию в неожиданном формате, он не знает о нашем сценарии социального поведения. В случае такого диссонанса в отношениях возникают проблемы понимания. Детям нужна мать, братьям – сестра, студентам – преподаватель, и наоборот. Такая координация позиций ни в коем случае не ограничивает природу отношений между субъектами. Социальный порядок требует соответствия отношений тем позициям, которые занимает индивид в каждой конкретной ситуации. Люди как социальные существа находят друг относительно друга в определенных отношениях, и в зависимости от занимаемой в этих отношениях позиции, координируется модальность.

В различных культурах, пишет А. Фиске, модели коммуникаций сильно отличаются друг от друга. Тем не менее, по А. Фиске, во всех культурах люди используют четыре фундаментальные модели социальных отношений: рыночные отношения (market pricing); иерархические отношения (authority ranking); партнерские отношения (equality matching); общинные отношения (communal sharing) (Fiske, 1990: 182–186). Каждый из типов имеет свои особенности. Рыночные отношения определяются добровольным договорным обменом чего-то в обмен на что-то другое. Иерархические отношения представлены четким пониманием каждым членом общности своего места. Партнерские отношения основаны на реализации эгалитарной справедливости по отношению к каждому. Общинные отношения – это отношения людей, основанные на близкородственных связях, осознании своего единства и востребованности друг в друге. Но в социальной практике, например, семьи могут встречаться все типы отношений с доминированием той или иной модели. Предложенные А. Фиске модели социальных отношений мы можем использовать для эксплицирования отношений, складывающихся в рамках различных социальных институтов: семьи или образовательной среды. Также обнаруживается корреляция данных моделей социальных отношений с известными типологиями семейных отношений в отечественных исследованиях.

В отечественной науке существуют различные типологии семей по различным критериям. Рассмотрим классификацию семей на основе детско-родительских отношений. В этом ключе выделяют традиционный, детоцентрический и супружеский типы семьи. В традиционной, или патриархальной семье, муж (отец) является главой семейства, а все остальные зависят от него. Этот тип отношений имеет авторитарный характер. Ребенок в такой семье имеет свои обязанности, а права, как и у всех остальных членов семьи, ограничены волей главы семейства. В детоцентрической семье ребенок является центральной фигурой, вокруг воспитания, образования, удовлетворения потребностей которого усиленно вращаются родители, с целью создания для ребенка предельно комфортных условий для личностного роста. Ребенок в такой семье имеет как обязанности, так и права. Третий тип отношений – супружеский тип семьи, где доминирует ценность супружеских отношений (Бетильмерзаева (2), 2021).

При соотношении типологии социальных отношений А. Фиске и предложенной типологии семей на основе отношений можно увидеть, что традиционному типу семьи соответствуют иерархические и общинные отношения, детоцентристскому типу семьи – рыночные отношения, и супружескому типу семьи – партнерские отношения. Исходя из этих соответствий, можно интерпретировать характер отношений и их устойчивый характер в современных условиях.

Модернизационные процессы, смена технологического уклада, цифровая культура активно сказываются на состоянии современной семьи. В едином социокультурном пространстве сосуществуют разные типы семей с различными отношениями. Если в традиционной семье все ее члены подчиняют свои интересы общим семейным, родовым интересам, а в детоцентрической семье все ресурсы семьи направлены на удовлетворение интересов детей, то в супружеской семье в отношениях между родителями и детьми доминируют интересы супругов. Это новый тип постмодернистской семьи. Ребенок, чья личность складывается в определенных детско-родительских отношениях, в зависимости от уровня удовлетворения своих потребностей, формирования интересов, воспитания склонностей проходит процесс социализации и достигает зрелости

---

¹ Fiske, A.P. The Inherent Sociability of Homo sapiens [Электронный ресурс] // UCLA. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/anthro/faculty/fiske/reimodov.htm> (дата обращения: 22.02.2022).

гармонично развитой личности. Последние полтора–два столетия в процессе воспитания личности ребенка активное участие принимает образовательная среда, которая изначально выходила за рамки учительско-ученических отношений. Образовательная среда организуется посредством естественного союза семьи и школы. Устойчивые социальные отношения семьи и образовательной среды обусловлены гармоничным переходом семейного воспитания в школу и образовательной атмосферы в семью. Семья и школа в единстве своей цели должны служить формированию гармонично развитой личности.

В условиях современной образовательной практики по-новому переосмысливается содержание понятия «личностный потенциал». По Д.А. Леонтьеву, «понятия потенциал, потенция не тождественны понятию возможности, однако содержательно раскрываются через соотнесение с ним» (Леонтьев, 2019). «Потенция в отличие от возможности есть возможность, обладающая одновременной силой на свое существование» (М. Мамардашвили), что подчеркивает энергетическую силу потенциала, реализующегося через преодоление своих возможностей или их отсутствие, а не в унисон с ними. Понятие «личностный потенциал», как отмечает Д.А. Леонтьев, введено для обозначения «базового измерения – собственно личностного в личности», которое, с его точки зрения, «прямо не коррелирует с интеллектуальным развитием, с глубиной и содержательностью внутреннего мира и с творческим потенциалом» (Леонтьев, 2019: 12). Личностный потенциал предстает как интегральная, самодетерминирующаяся величина, отражающая «меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете, преодоление личностью самой себя» (Леонтьев, 2019). Согласно Д.А. Леонтьеву, личностный потенциал содержательно раскрывает идею А.Г. Асмолова «изменяющейся личности в изменяющемся мире» (Асмолов, 2007), что как никогда актуально для современной семьи и образовательной среды.

События XX – начала XXI века обусловили целый ряд социальных проблем и рисков, которые, в свою очередь, привели к экзистенциальному кризису человеческого бытия. Ситуация усугублена перестройкой социальной логики бытия, которая определяется как постсоциальная. Под феноменом «постсоциальность» понимается грядущая ситуация трансформации социальной реальности, которая характеризуется формированием объектно-центрированной среды (Кнорр Цетина, 2002). Цифровая революция в образовательном пространстве неминуемо приводит нас к новому формату взаимодействия педагога и обучающегося, когда авторитетную позицию в их взаимодействии занимает искусственный интеллект как основной объект наблюдения, приобретающий «субъектную» автономию. Права Кнорр Цетина, когда заявляет, что «объекты замещают людей как партнеров по взаимодействию и все в большей мере опосредуют человеческие отношения, делая последние зависимыми от них» (Кнорр Цетина, 2002).

Выводы. Актуальность проблемы социальных рисков современности и моделирование устойчивых отношений в семье и образовательной среде определяется не только необходимостью разработки педагогической концепции в решении региональных и глобальных проблем семьи и школы. Вопрос стоит более остро, так как речь идет уже о сохранении родовой сущности человека как существа, сочетающего в себе биологическую, социальную, духовную и психическую формы существования (Панов, 2020: 13–14).

Вследствие проведенной рефлексии над понятиями нашего дискурса можно говорить о новой концепции социальных рисков постсоциального общества, в структуре которой необходимо выделяются следующие виды рисков:

Первый риск обусловлен сменой технологического уклада, утверждением цифровой культуры, что активно сказывается на состоянии современной семьи и образовательной среды. Ребенок, чья личность складывается в определенных детско-родительских отношениях, в зависимости от уровня удовлетворения своих потребностей, формирования интересов, воспитания склонностей, проходит процесс социализации и достигает зрелости в соответствии с определенным типом личности. Смещение субъект-объектных позиций, сосуществование множества реальностей, избыток свободы и дефицит вкуса – все вместе создают не лучшие условия для формирования устойчивой личности.

Второй риск социальности субъекта подрастающего поколения сопряжен с деформацией ценностной сферы человеческого бытия, что влечет за собой искажение истины: истины разума (знание), истины духа (вера) и истины тела (здоровье), в рамках которых не должна делаться ставка на что-то одно. Когда говорят, что знание – сила, подразумевается осознание индивидом силы разума, духа и тела в гармоничном соотношении. Крайними последствиями этого риска являются дегуманизированный интеллектуализм, религиозный экстремизм и гедонизм.

Третий риск социальности сегодня представлен нарушением социального порядка, то есть соответствия отношений тем позициям, которые занимает индивид в каждой конкретной ситуации. В зависимости от той позиции, которую я занимаю в этих отношениях, координируется моя модальность. В семье и образовательной среде каждый субъект социальной коммуникации должен иметь онтологическую карту идентификации себя с определенной социальной группой, в границах которой формируется соответствующая модель координации отношений и действий.

Четвертый риск социальности обусловлен смещением акцентов между реальностями физического и цифрового миров. Жизнь – не игра, не театр. Метафоры не надо возводить в статус мифологем. Жизнь человека – реальность с единственным шансом жить или казаться. В этой реальности нельзя вернуться назад, к предыдущему уровню, чтобы с опытом качественно повторить попытку. Как только мы начинаем активно взаимодействовать с симуляцией воображения, оно материализуется, смещая подлинную реальность, и становится единственной реальностью в своем роде.

Пятый риск – угроза человеческому в человеке и, соответственно, конвертация Человека разумного / Homo sapiens в Суперчеловека / Homo Sapientissimus. Риск трансформации Человека разумного в Суперчеловека угрожает человечеству дискриминацией человеческого в человеке, когда восторжествовавший интеллектуализм разделит человечество на интеллектуальную элиту и общество пользователей.

Цифра как основа формирования современных коммуникаций влечет за собой эволюцию мышления. «Коммуникации играют смыслоорганизующую и формообразующую роль в процессе мышления» (Баркова, 2018: 18). При понимании и принятии неизбежности цифровой революции, объективном оценивании всех ее плюсов и минусов присутствует опасение перед тем, как бы мы в погоне за модернизациями и новыми компетенциями вместе с водой не выплеснули бы и ребенка.

Целостность человеческого бытия предполагает становление личности, осознающей как свою телесность, духовность, так и социальность. Только в рамках осмысления своей социальной природы можно воспитать человека. Человек, как бы элементарно это ни звучало, – продукт социума. В культурологии есть феномен «детей Маугли». Только в сказке у Р. Киплинга для Маугли заканчивается все «хэппи эндом». Здесь возникает другая проблема: как «ребенку-Маугли» не стать уже полноценным человеком-личностью, ребенку-участнику формата объект-центрированной траектории взаимодействия с миром грозит та же опасность потери социальности.

Таким образом, целостность мира человека – это ресурс, который способствует преодолению личностью заданных судьбой обстоятельств. Целостная личность открыта для развития собственного потенциала.

В современном гуманитарном дискурсе отмечают вполне закономерные размышления о том, в какой зависимости формируются такие вполне генуинные человеческому бытию явления как социальная среда и рефлексия, легшие в основу человеческого начала. Человек есть существо социальное и человек есть существо разумное. Объективно мы это не оспариваем, субъективно – это имеет переменный характер. Ведь если говорить о социальной среде, то она есть продукт становления и развития культуры определенного сообщества индивидов, чья самобытность чувствования и осмысления реальности порождает уникальные формы национальных культур. Человеческая рефлексия, изначально обращенная на осмысление собственного бытия, спровоцировала структурирование социальной реальности в различных культурных границах, которые формируются запретами и одобрениями социума. Творческий характер человеческого мышления лежит в основе его свободной воли, позволяющей судить об автономии субъекта в социальных связях. Человек с давних пор (то есть, с самого начала рефлексии) задумывался об основаниях собственного бытия. Но сама постановка данного вопроса возможна лишь в пределах осознаваемой социальности, что говорит о приоритете социального над генетическим в процессе формирования личности человека (Бетильмерзаева (1), 2021: 528).

Заключение. Обозначенные социальные риски, угрожающие современной семье и образовательной среде, в вечном конфликте отцов и детей, который до сих пор не представлял собой глобальной опасности для человечества, приобрели критический характер и стали угрозой для человеческой расы по причине цивилизационных смещений ценности человеческого бытия. Мы сделали попытку выяснения характера социальных рисков в условиях постсоциальности. В части предложения модели устойчивых отношений в современной семье и образовательной среде была обоснована наша первоначальная гипотеза, что сохранение целостности человеческого бытия возможно лишь в границах воспитания гармонично развитой личности. Гармонично развитая личность служит детерминантом устойчивости общества, и основных его институтов – семьи и образования.

Модель устойчивых отношений в семье и образовательной среде на ближайшую перспективу может быть представлена в форме концепции духовно-нравственного и патриотического воспитания в условиях трансформации социокультурного пространства с установкой на отечественные традиционные ценности с учетом поликультурного, поликонфессионального опыта Российской Федерации.

Список источников:

- Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007. 528 с.
Баркова Э.В. Ценность жизни, гуманитарное знание и духовная безопасность // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2018. С. 332–339.

Бетильмерзаева, М.М. (1) Проблема человеческого в человеке // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Грозный, 28–29 мая 2021 года. Мачкакала, 2021. С. 528–535.

Бетильмерзаева М.М. (2) Проблема кризиса или эволюции семьи в контексте парадигмального подхода // Общество: философия, история, культура. 2021. № 7 (87). С. 82–85. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.7.14>.

Бронзино Л.Ю. Постмодернизм: сущностные идеи и их представители // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 3 (12). С. 97–105.

Калашников С.В. Новые социальные вызовы // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). С. 29–31.

Кнорр Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1. С. 101–124.

Лебедев М.В. Этика социального риска // Философия науки. Выпуск 11. Этнос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 168–181.

Леонтьев Д.А. Три мишени: личностный потенциал – зачем, что и как? // Образовательная политика. 2019. № 3 (79). С. 10–16.

Мешищев В.Н. Психология отношений. М.; Воронеж, 2003. 400 с.

Панов В.И. От экологии детства к психологии устойчивого развития // Экопсихологические исследования – 6: экология детства и психология устойчивого развития. Сборник научных статей. Курск, 2020. С. 10–14. <https://doi.org/10.24411/9999-044A-2020-00126>.

Ясавеев И.Г. «Социальная проблема» в социологическом лексиконе // Социальная реальность. 2006. № 6. С. 101–117.

Fiske A.P. Relativity Within Moose ("Mossi") culture: Four Incommensurable Models for Social Relationships // Ethos. 1990. Vol. 18. No. 2, Moral Relativism. P. 180–204.

Schwartz, H. On the Origin of the Phrase "Social Problems" // Social Problems. 1997. Vol. 44. No. 2. P. 276–296.

References:

Asmolov, A.G. (2007) *Psikhologiya lichnosti: kulturno-istoricheskoye ponimaniye razvitiya cheloveka* [Psychology of personality: cultural and historical understanding of human development]. Moscow: Smysl. (In Russian)

Barkova, E.V. (2018) *Tsennost' zhizni, gumanitarnoye znaniye i dukhovnaya bezopasnost'* [The value of life, humanitarian knowledge and spiritual security]. In: *Gumanitarnoye znaniye i dukhovnaya bezopasnost'* [Humanitarian knowledge and spiritual security]. Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference. Makhachkala: Aleph. P. 332–339. (In Russian)

Betilmerzaeva, M.M. (1) (2021) The problem of human in human. In: *Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki: vzglyad molodykh uchenykh* [Actual problems of modern science: the view of young scientists]: Proceedings of the VII International scientific and practical conference, Grozny, May 28–29, 2021. Makhachkala: Chechen State Pedagogical University, Alef Printing House. P. 528–535. (In Russian)

Betilmerzaeva, M.M. (2) (2021) The problem of the crisis or evolution of the family in the context of a paradigm approach. *Society: philosophy, history, culture*. (7). 82–85. Available from: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.7.14>. (In Russian)

Bronzino L.Yu. (2010) Postmodernism: the main ideas and its representatives. *MGIMO review of international relations*. (3). 97–105. (In Russian)

Fiske, A.P. (1990) Relativity Within Moose ("Mossi") culture: Four Incommensurable Models for Social Relationships. *Ethos*. (18:2) Moral Relativism. 180–204.

Kalashnikov, S.V. (2019) New social challenges. *Economic revival of Russia*. (2). 29–31. (In Russian)

Knorr Cetina, K. (2002) Sociality with objects. Social relations in postsocial knowledge societies. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. (1). 101–124. (In Russian)

Lebedev, M.V. (2005) *Etika sotsial'nogo riska* [Ethics of social risk]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. Vol. 11. P. 168–181. (In Russian)

Leontiev, D.A. (2019) *Tri misheni: lichnostnyy potentsial – zachem, chto i kak?* [Three targets: personal potential – why, what and how?] *Educational policy*. (3). 10–16. (In Russian)

Myasishchev, V.N. (2003) *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of relations]. Moscow: Izd. Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta; Voronezh: Izd-vo NPO «MODEK». (In Russian)

Panov, V.I. (2020) *Ot ekologii detstva k psikhologii ustoychivogo razvitiya* [From the ecology of childhood to the psychology of sustainable development]. In: *Ekopsikhologicheskiye issledovaniya – 6: ekologiya detstva i psikhologiya ustoychivogo razvitiya* [Ecopsychological research – 6: the ecology of childhood and the psychology of sustainable development]. Kursk. P. 10–14. Available from: <https://doi.org/10.24411/9999-044A-2020-00126>. (In Russian)

Schwartz, H. (1997) On the Origin of the Phrase "Social Problems". *Social Problems*. (44:2). 276–296.

Yasaveev, I.G. (2006) «Sotsial'naya problema» v sotsiologicheskom leksikone ["Social problem" in the sociological lexicon]. *Sotsial'naya real'nost'* [Social reality]. (6). 101–117. (In Russian)

Информация об авторе

М.М. Бетильмерзаева – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета; профессор кафедры философии Чеченского государственного университета, Грозный, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=274635.

Information about the author

M.M. Betilmerzaeva – D.Phil., Associate Professor, Head of the Philosophy, Political Science and Sociology Department, Chechen state pedagogical university, Professor, Philosophy Department, Kadyrov Chechen state university, Grozny, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=274635.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.01.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.02.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 15.03.2022.